

УДК 159.9
ББК 88.5

С.К. МАЛАХАЕВА

Байкальский государственный университет
экономики и права
г. Иркутск
smalahaeva@yandex.ru

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ МЕТОДА

S.K. Malakhaeva

Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk

NARRATIVE APPROACH IN ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH: POSSIBILITIES AND LIMITS OF THE METHOD

Аннотация: Статья посвящена методологической рефлексии над биографическим исследованием проводящимся среди бурят-шаманистов Прибайкалья. Актуальность применения нарративного подхода в этнопсихологическом исследовании автор видит в проблематизации субъективного опыта как центрального предмета социальных и гуманитарных наук. «Микрофизика» социальных взаимоотношений и культурный код общества могут быть раскрыты с помощью анализа стратегий высказывания. В статье сформулированы теоретические основания нарративного подхода в психологии, приведены примеры интерпретации нарратива с помощью триад Ч. Пирса, структурного подхода У. Лабова и морфологического подхода В.Я. Проппа в качестве поисковых моделей для анализа нарративов в этнопсихологии.

Ключевые слова: нарратив, диалог культур, культурный код, микрофизика власти, семиотические триады Ч. Пирса, структурный подход У. Лабова, морфологический подход В.Я. Проппа.

Annotation: The article is devoted to methodological reflection of biographical research conducted among Buryat-shamanists of the Baikal region. The author sees the relevance of the use of narrative approach in ethno-psychological research with the problematization of subjective experience as the central subject of social and humanitarian sciences. «Microphysical» social relationships and cultural code of the company may be disclosed using of analysis of statements strategies. The author offers theoretical foundations of narrative approach in psychology, presents examples of the interpretation of the narrative using of Ch. Piers' triads, structural approach W. Labow and morphological approach of W. Propp as models for the analysis of narratives.

Keywords: narrative, dialogue of cultures, cultural code, microphysics of power, semiotic triad of Ch. Piers, structural approach of W. Labow, morphological approach of W. Propp.

Расползающиеся границы национальных государств меняют вместе с собой социальный запрос, которым руководствуются науки социально-гуманитарного цикла, в который входит и этнопсихология, в формулировании своих исследовательских полей и выборе методологического инструментария. Научный интерес обращен к динамике стремительно проходящих социальных трансформаций, становится актуальным рассмотрение непосредственного участия людей в

этих процессах, формулируется запрос на описание и осмысление индивидуального опыта, который аккумулируется посредством коммуникации в коллективный опыт. Общественные науки начинают рассматривать социальные процессы вне отрыва от индивидуального измерения [11]. С нашей точки зрения, микроуровень субъективного опыта и индивидуальной психологии видится именно той сферой, где и происходят самые существенные сдвиги, которые на макроуровне фикси-

руются в виде стихий социального протеста, межэтнических конфликтов, роста национализма, характерного для конца XX века «этнического ренессанса». Именно поэтому нами внимательно отслеживаются изменения, происходящие на индивидуальном уровне во время вхождения традиционной культуры в модернизированный глобальный мир. Наше исследование посвящено тому, как происходит симультанная трансформация традиционного субъекта и общества под воздействием фактора модернизации.

Интерес к индивидуальному в контексте общественного, к взаимодействию микро- и макроуровней вписывается в тенденции к переосмыслению предмета, методов и метатеоретических оснований научного познания, получившие обобщенное название интерпретативного, или лингвистического, «поворота», одним из аспектов которого является ориентация на интерпретацию нарративов, создаваемых индивидом в процессе конструирования и осмысления своего экзистенциального опыта. Анализ стратегий высказывания позволяет выйти на глубинный уровень субъективного опыта и зафиксировать невидимый или замалчиваемый пласт коллективного бытия.

Термин «нарратив» (англ. narrative – история, рассказ, повествование) широко распространен в таких социальных науках, как история, антропология, социология, юриспруденция; по-своему данный термин используется в медицине, что является показателем возможностей метода в науках естественнонаучного цикла, в которых есть необходимость интерпретации непосредственного человеческого опыта. Понятие нарратива тесно связано с философским понятием дискурса, как социокультурно обусловленной речи, и в некоторых контекстах может являться одной из форм его проявления. Например, нарратив народных сказок, собранных и обработанных братьями Гримм, может быть формой проявления дискурса о германском национальном единстве. Выделяют нарратив в широком смысле – любое письменное или устное повествование, и нарратив в узком смысле – схема организации опыта. В данном случае мы пользуемся синтетическим понятием, которое обозначает повествование, организующее опыт в зависимости от социального контекста, в котором он (вос) производится.

В этнопсихологии, которая имеет в качестве родительских дисциплин этнологию и психологию, использование рассказываемых людьми историй в качестве материала для исследования и диагностики не является чем-то революционно новым. Этнографы и антропологи с конца XVIII века имеют богатый опыт в полевых

исследованиях, в сборе, классификации и обработке устных рассказов, в которых можно найти бесценные свидетельства индивидуального и коллективного опыта. Со времен З. Фрейда история, рассказанная человеком о себе, анализируется, интерпретируется, используется как отправная точка в психотерапии. Так о каком принципиальном методе можно говорить?

Дело в том, что нарративный подход акцентирует внимание на дискурсивной природе рассказа, понимает его как инструмент-посредник конструирования и объяснения смысла, показывает центральную роль процесса повествования в создании идентичности и осмыслении индивидуального опыта. Нарративный подход в психологии ориентируется на поиск стратегий высказывания, которые делают видимыми культурные установки, стереотипы, действующие в обществе, а, в конечном счете, микрофизику социальных взаимоотношений, окрашенных, в том числе и в этнокультурный колорит. Явная междисциплинарность подхода предполагает, что в рамки изучения этих стратегий высказывания вводятся конструкты, почерпнутые из ряда дисциплин – лингвистики, литературоведения, истории, философии. Нарративный подход изучает отношения между нарративной формой и нарративным содержанием, между индивидуальной историей личного опыта и культурой, делает видимым зазор между высказанным и подразумеваемым.

Теоретические основания нарративного подхода в психологии

Нарративный подход в психологии базируется на следующих теоретических допущениях. Во-первых, это понимание того, что нарратив не есть репрезентация, а конструкция. Теоретические споры о репрезентативности нарратива, которые разгорелись в последнее время в среде историков и социологов [9], показывают, что в личных рассказах преобладает конструктивная сторона, нежели репрезентативная. Радикальность нашего хода снимает необходимость пытаться найти в рассказе отсылки к истинным событиям, выявлять правдивость и репрезентативность рассказа, но заставляет обратить внимание на форму, механизм и ситуацию конструирования рассказа.

Это позволяет обратить внимание на особенности самого процесса создания личностного конструкта, что особенно важно для психологии, направленной не на представляемый в речи объект, а на субъект повествования. Согласно Дж.Брунеру, все истории в той или иной степени характеризуются наличием «двойного ландшафта»: обстановка, действующие лица, цель, средства ее достижения и т.п. составляют «ландшафт действия»

(landscape of action); мысли, чувства, знания и другие переживания персонажей составляют «ландшафт сознания» (landscape of consciousness). Хотя оба ландшафта сосуществуют одновременно, по мнению Дж. Брунера, «психическая реальность доминирует в нарративе» [3, с. 14]. Преобладание психической реальности соответствует тому, что язык в нарративном подходе понимается не как инструмент для передачи истины, но как способ и условие конструирования смысла. Рассказывая ту или иную историю, люди могут быть далеки от истинных и объективных интерпретаций событий, они конструируют истину на месте, возникает истина личного нарратива, субъективная форма рассказа делает их уникальным материалом для понимания внутреннего мира. Происходит проникновение самого нарратора в свой внутренний мир как бы со стороны. Во время рассказа личностный смысл конструируется посредством создания рассказа о событиях своей жизни. Эти личные нарративы можно понять, только отказавшись от идей непосредственного понимания, интерпретируя, уделяя пристальное внимание контекстам, в которых они сформировались, и мировоззрениям, которые повлияли на них, что и является основной задачей исследователя этничности.

Во-вторых, нарративы есть не просто набор фактов и информации, они структурируют и озвучивают опыт, наделяют онтологической и аксиологической значимостью то, о чем повествуют, целенаправленно выделяют и осмысливают каждое событие жизни, строят жизненную перспективу. Рассказывая историю, информант выделяет из потока сознания некое событие, конструируя его как некий смысловой фрагмент, объясняющий что-то с его точки зрения важное. Происходит сюжетизация событий, находится (квази)связка между причиной и следствием, между симптомом и болезнью, что требует определенного «дара сюжета». Поэтому некоторых людей слушать бесконечно интересно: они формируют поливариантные, вызывающие эмоциональный отклик в данной аудитории сюжеты, помещают эти сюжеты в разные жанровые формы, интуитивно подбирают стратегию вербального озвучивания, используя экстралингвистические ресурсы. Однако существуют и хаотические нарративы, рваный синтаксис которых сложен для восприятия и интерпретации. Для исследователя важным является значение, которое придает своему рассказу субъект, потому что в этом значении можно увидеть ценностный пласт культурной реальности. Даже если в рассказе ничего не происходит, необходимо задать вопрос «почему эта история рассказана именно так?», который можно разделить на четыре компонента:

кому (интерсубъективная составляющая) о чем (интенциональная составляющая) и зачем (аксиологическая составляющая) рассказывать именно так (формальная составляющая).

В-третьих, в повествовании формируется и осознается не только конкретный событийный опыт, но и создается напряженная, напитанная личностным смыслом имплицитная картина мира, которая встроена в доминирующую культурную картину. Социологами замечено, что респонденты конструируют нарративы, чаще рассказывая о таких конкретных событиях своей жизни, где был разрыв между реальным и идеальным, между «Я» рассказчика и обществом [1]. Рассказ рождается из потребности осознать, проговорить свой опыт разрыва и объяснить в первую очередь для себя свой опыт бытия, отличный от других. В начале рассказа мир не воспринимается как естественная среда, с которой человек составляет одно целое, но в конце совершается возврат к миру в новом качестве и состоянии, создается новый баланс сил. Совершается трансформация идентичности, переход от «Я», которое существовало до опыта-предела, к новому «Я», которое «обживает» посредством индивидуального мифотворчества. Таким образом, рассказывание историй можно понять как мягкий ритуал инициации, и кажущаяся обыденность повседневных повествований на самом деле погружена в контекст легитимных, даже сакральных ценностей.

В-четвертых, нарративы носят принципиально диалогический характер. Мысль всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов, как говорит М. Бахтин, рождается в попытках объяснить и понять. До тех пор пока она не оформлена вербально, она носит характер чистой возможности. Будучи оформленной в словах, мысль обретает горизонт формы выражения, который всегда хранит следы ускользающего возможного смысла. Диалог является слиянием горизонтов мысли различных субъектов по-разному рисующих мир.

В-пятых, центральной процедурой в нарративном подходе является процесс интерпретации, который является не столько истолкованием (объяснением), но, скорее, пониманием схватывающим и актуализирующим множественные смыслы, рождающиеся в диалоге. Герменевтический потенциал нарративного подхода дает возможность рассматривать повествование на нескольких уровнях интерпретации, что особенно значимо для этнопсихологического исследования, предметом которого является расширительно понятый межкультурный диалог. Любая интерпретация, а тем более интерпретация феноменов другой культуры, встречается с диалектичностью репрезентации: каждый акт ин-

терпретации опыта, будь то рассказывание, написание, перевод, анализ или прочтение, с одной стороны, конституирует этот опыт, придавая ему смысл, а с другой – урезывает, редуцирует, искажает, изменяет [1]. Фактически, мы сталкиваемся с тем, как непосредственный личный опыт включается в культуру и в научное знание, проходя через сито таких процедур как: участие в событии (1), рассказывание истории о событии (2), фиксирование (перевод в текстовую форму) (3), перевод с родного языка на язык научного исследования (4), анализ текста (5), чтение (6). Безусловно, каждый уровень интерпретации вносит новые коннотации в текст.

Нарративный подход в психологии обладает мощным эвристическим потенциалом. Однако не следует ожидать от него создания всеобъемлющей общепсихологической концепции или иных активных попыток распространения на всю психологическую проблематику. Это есть метатеоретический подход с ярко выраженной междисциплинарной направленностью, который имеет собственное преломление в различных сферах психологического знания, а в частности в этнопсихологии, подход, который имеет свои возможности, но и свои ограничения. Серьезной методологической проблемой, которую нужно прояснить для себя каждому исследователю, интересующемуся этнокультурной проблематикой является, прежде всего, процесс правильной коммуникации и интерпретации полученных устных свидетельств.

Будучи в гуще событий мы охватываем сознанием далеко не весь процесс, человеческое внимание избирательно, поэтому уже на данном этапе происходит выбор той или иной картины происходящего. Первичный опыт события проходит следующий этап интерпретации в процессе рассказывания. Всякий раз, говоря о событии, мы проигрываем его заново, описывая место, структурируя историю так, чтобы были понятны наши интерпретации. Мы делимся опытом с другими, которые в свою очередь являются активными участниками нарратива, побуждая, проявляя интерес или, наоборот, игнорируя и опровергая. Мы вынуждены считаться со всеми возможностями и ограничениями дискурса конкретной социальной интеракции. Смысл текуч, поскольку конструируется уже в процессе интеракции. История имеет конкретных слушателей и может измениться, будучи рассказанной в другом окружении. В число задач исследователя входит выявить предпосылки рассказчика, на которые он или она ориентируются, имея в виду реального или потенциального собеседника, учесть символическое присутствие третьих лиц, оказывающих влияние на автора истории. У каждого интервьюируемого свой

адресат помимо интервьюера, некоторые проваливаются в свой внутренний монолог и говорят уже не сколько с реальным собеседником, а с внутренним собеседником, спрашивают, рефлексиируют, оценивают правильность собственных поступков. Этот факт, с точки зрения социологов свидетельствует о том, что нарратив неизбежно становится саморепрезентацией [1]. Каждый раз, рассказывая историю, мы хотим, чтобы нас услышали, поняли и увидели в нашей неповторимой полноте и единичности.

Перевод устного рассказа в письменный источник является тем фильтром, который отсеивает огромное количество принципиально нетекстуализируемой информации. С точки зрения психолога запись текста должна фиксировать все значимые паузы, ошибки, ударения и акценты, междометия типа «хм», смены позы, перемещение в пространстве, жесты и произвольные реакции в виде комментария к основному нарративу. Хотя это и не является абсолютным требованием: в некоторых случаях, это может чрезмерно загружать текст, который по своей логике стремится к формализации. Запись маркеров социальной интеракции дает также дополнительный пласт интерпретации: уровень «микрофизики власти», который представляет собой силовое поле властных отношений между субъектами коммуникации, которое может стать явным только при наложении на текст невербальных меток.

Этнопсихологу необходимо также учитывать различие между культурами, в которых опыт передается по преимуществу устно: наставлениями, сказаниями, преданиями, былинами, легендами, мифами и т.д., и культурами, ориентированными на печатные и электронные средства коммуникации.

Существенное отличие в том, что в традиционных культурах сохраняется превалирующий статус объяснения в коммуникации, что вызвано верой в авторитет говорящего, что в свою очередь вызывает необходимость дозирования информации в зависимости от того, кем является слушающий. В печатных (модернизированных) культурах сообщение может быть высказано и отправлено в культурное пространство. Его отправитель в большей степени не может контролировать процесс истолкования и понимания, что нивелирует социальную ответственность автора и, одновременно, демократизирует доступ к информации. В традиционных устных обществах говорящий ответственен за высказывание, которое всегда может вернуться к нему, он помещен в иерархию взаимоотношений. В его высказывании, прежде всего, транслируется его опыт, подтвержденный окружающими. Конечно, мы имеем различие не только

в структуре коммуникации, но и в структуре субъективности. «Внутренний мир устного человека представляет собой сплетение сложных эмоций и чувств, которые практичный человек Запада давным-давно внутри себя разрушил или подавил в интересах эффективности и практичности» [2, с. 61]. В модернизированных культурах роль автора сведена к минимуму. Диалог опосредован техническими устройствами: печатным станком, телефоном, телевизором, радио и компьютером, что возлагает ответственность за процедуру интерпретации на читателя.

Перевод устного разговора в печатную форму для дальнейшего анализа неизбежно нивелирует это важнейшее отличие между структурами коммуникации традиционных и модернизированных обществ. Аналогичной процедурой является перевод с родного языка информанта на язык, на котором проводится исследование. «Конфигурации чувств, находящие свое продолжение в различных человеческих языках, столь же многообразны, как стили одежды и искусства. Каждый материнский язык учит своих пользователей совершенно уникальному способу видеть мир, чувствовать его и действовать в этом мире». [2, с. 90] Однако в современном мире мы наблюдаем ситуацию, когда индивиды не знающие родного языка, переставшие практиковать национальные обычаи, давно уже не занимающиеся традиционными промыслами и не знающие истории своего народа, продолжают идентифицировать себя со своим этносом. Знание языка уже не является одним из тех ясных критериев, с помощью которых этнология фиксировала самобытность культуры. Усложнение реальности усложняет и процесс интерпретации. Поэтому в принципе нет никакой правильной стратегии репрезентации разговорного языка в печатном тексте. Исследователю остается выбирать ее в зависимости от того, что как он хочет представить сущность объекта на суд читателю.

Пятый аналитический уровень интерпретации начинается с самого начала работы с интервью, ведь исследователь уже при разговоре начинает фиксировать сходные элементы в рассказах разных людей, критически оценивать возможности сравнения и противопоставления и т.д. При камеральной обработке интервью цель ученого – создать метаисторию, в которой личный рассказ вплетен в полифонию свидетельств. Безусловно, во взаимном отражении рассказов высвечивается новый смысл, истории начинают играть и каждая из них становится обработанным бриллиантом в ожерелье метарассказа, сконструированного ученым.

Чтение является последним этапом интерпрета-

ции, на котором у рассказчика появляются бесчисленное множество опосредованных собеседников. Разговор продолжается, и он также, как и на более ранних этапах зависит от универсальных законов диалогизма. У одного и того же читателя работа может вы звать совершенно разные прочтения в различных исторических контекстах. Смысл текста всегда уникален для каждого конкретного человека, а те истины, которые мы конструируем, являются осмысленными в специфических социальных средах и в ограниченных исторических условиях.

Структура нарратива

Кроме теоретических оснований нарративного подхода должны быть выделены правила интерпретации, которые по сути есть основной аналитический инструмент. Вспомним вопрос уже озвученный нами ранее: «почему эта история рассказана именно так?», разделенный на четыре компонента: кому (интерсубъективная составляющая) о чем (интенциональная составляющая) и зачем (аксиологическая составляющая) рассказывать именно так (формальная составляющая). При попытке ответить на этот вопрос становится видимой ситуация коммуникации, в которой высвечивается силовое поле микрофизики социальных взаимоотношений. Каждое высказывание не только интерпретирует событие или дает материал для интерпретации говорящего, но и одновременно зондирует культурную компетентность слушающего, проверяя его уровень понимания и способности к диалогу.

Сталкиваясь с подобной диалектической игрой, в которой исследователь проверяется на «вшивость», и которая неизменно будет присутствовать в случае бесед с представителями традиционной культуры, необходимо всегда держать в уме то, что модели интерпретации, рассмотренные нами ниже, являются, прежде всего, схемами, призванными помочь лишь в сортировке и классификации материала. Высказывание в любой момент может выскользнуть из схемы, нарисованной исследователем и перевернуть с ног на голову свой, казалось бы, отчетливо набросанный контур. Именно поэтому мы не претендуем на окончательную трактовку высказывания и та схематичность, которую мы предлагаем при рассмотрении нарративов, является лишь рабочей позицией помогающей на первичном этапе деконструкции текста.

Прежде всего, необходимо выбрать стиль упорядочивания нарратива: хронологический, причинный (секвенция последствий), тематический. В теории интерпретации волшебной сказки В.Я. Пропп уделяет внимание логике последствий, согласно которой каждое событие

несет на себе функцию, благодаря которой становится причиной следующего. Таким образом, выстраивается структура взаимосвязанных событий-функций, складывающихся в культурный код повествования, «выражающий набор архетипов, характеризующих идентичность историко-культурного типа» [7, с. 696].

Хронологический порядок, также характерный для структурологических концепций задает ориентацию на то, что было потом. Нарратив с этой точки зрения отвечает на вопрос «что было потом?» в качестве основного, запускающего. Логика темпорализации используется в концепции У. Лабова. В тематическом стиле упорядочивания нарратив связан воедино темой, а не временем, и события в нем подбираются вокруг единого проблемного центра.

Следующим этапом является выявление начала и конца нарратива. Начало и окончание конкретного повествования не всегда четко оформлено, но есть специальные маркеры, с помощью которых рассказчики сигнализируют слушателям о начале и завершении истории. «Давным-давно», «как-то раз», «и стали они жить поживать, добра наживать» – классические примеры таких отметок «входа» и «выхода», благодаря которым история как бы заключается в скобки. Обнаружение границ важно для определения смысловой целостности нарратива: «ведь от того, когда рассказчик начинает и заканчивает нарратив, будет зависеть форма и смысл повествования» [1].

Жанровое разнообразие нарративов зависит от того, какие повествовательные стили приняты в данной культуре. В обществах, сохранивших традиционные формы устной коммуникации довольно часто можно уловить в разговоре элементы притч, сказаний, преданий и наставлений, тогда как в современной культуре рассказы могут быть подчинены детективной, мелодраматической, приключенческой и фантастической логике в зависимости от таланта и предпочтений рассказчика. Не все нарративы (как и не всякая жизнь) принимают строгую сюжетную, а тем более жанровую форму. По большей части мы сталкиваемся с обыденными нарративами, в которых события происходят снова и снова, и в действии нет кульминации и развязки. Использование того или иного жанра для обрамления сюжета может выдавать уровень образования, культурную принадлежность, социальный статус рассказчика и т.д.

Первичный анализ нарратива включает в себя кроме описания жанровых особенностей повествования, также и выявление содержательной организации текста. Для этого мы используем 3 модели: структурная модель У. Лабова [6], семиотическая модель Ч. Пирса

[10] и морфологическая модель В.Я. Проппа [5].

По Лабову «простой» нарратив можно представить простейшей схемой: состояние – событие – состояние. Событие – есть ядро нарратива, вокруг которого строится рассказ. Событие выводит человека из статичности состояния, является полем возможностей, в котором конструируется идентичность. Средняя часть разрушает статус-кво, являясь формой трансгрессии организует беспорядок события в стилизованную культурную форму нарратива. Третья часть – это возвращение к статике, но на другом уровне или качестве, тот своеобразный эпилог, которым заканчивается рассказ. Ядро нарратива, его средняя секция есть фаза перехода, проявления возможностей, в которых индивид получает опыт самореализации. Ведь процесс самореализации как раз есть специфический процесс отказа от одних возможностей, кроющихся в ситуации в пользу других, реализовавшихся.

Согласно этому подходу полные истории имеют определенный набор компонентов, чьи функции – дать тезисы последующего текста (Т), ориентировать слушателя (ОС), представить комплексное действие (КД), оценить его значение (О) и показать разрешение ситуации (Р). Понятно, впрочем, что структура конкретного нарратива может быть представлена исследователями по-разному: вопрос, что считать оценкой, а что – ориентацией, решается в зависимости от теоретических допущений и опыта ученого.

Следующей моделью первичной обработки нарративов являются семиотические триады Ч. Пирса. Знак (событие) связывает три члена или, лучше сказать, три коррелята в триадическом отношении, а именно: во-первых, знак в узком смысле, называемый также репрезентантом, во-вторых, объект, к которому отсылает знак, и, в-третьих, так называемую интерпретанту; эти три коррелята связываются в значении знака. В нашем случае мы используем 1. Описание действия, практики, как репрезентанту; 2. Суть действия, переходный момент, провоцируемый действием и эмоция, которыми насыщено это действие как объект; 3. интерпретация, как способ выявить эту зависимость между репрезентантом и объектом. Такая триадная структура события, позволяет раскрыть смысловое поле события и выявить значимые коды, присущие данному рассказчику. Эта упрощенная модель наиболее экономична в исполнении, позволяя представить любое событие как знак, который становится явным после детальной деконструкции текста по векторам репрезентанты, объекта и интерпретанты. В конце анализа выявляется код нарратива, который отсылает к культурному коду.

Третьей моделью является морфологический анализ повествования В.Я. Проппа. Исследуя русские волшебные сказки, он пришел к выводу, что в основе сказочного сюжета лежит общая структура, проявляющаяся в виде бинарных оппозиций. Настаивая на единообразии функций, на принципиальном единстве сюжетной формулы волшебной сказки, Пропп склонен был считать, что «номенклатура и атрибуты действующих лиц представляют собой переменные величины сказки» [5, с. 79]. Поэтому при анализе сказок исследователь предлагал исходить из «постоянных», повторяющихся и независимых единиц повествования, каковыми являются функции действующих лиц. Сюжеты по Проппу обнаруживают свое структурное единообразие, собственно говоря, нахождению этого единообразия были посвящены его работы. Он ставит вопрос о соотношении функциональной последовательности с реальными персонажами волшебной сказки – носителями тех или иных функций. Так, им выделено семь действующих лиц, выполняющих следующие функции:

1) вредитель, выполняющий функции вредительства, боя (вообще борьбы с героем, преследование);

2) даритель, круг действий которого – подготовка передачи волшебного средства и снабжение им героя;

3) помощник, осуществляющий перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасение от преследования, решение трудных задач и трансфигурацию героя;

4) царевна (искомый персонаж), объединенная по выполняемым функциям с ее отцом, которые задают трудные задачи, осуществляют клеймение, обличение, узнавание, наказание ложного героя, свадьбу;

5) отправитель, отсылающий героя;

6) герой, круг действий которого – отправка на поиск, реакция на требование дарителя, свадьба;

7) ложный герой, осуществляющий также отставку на поиск, реакцию на требование дарителя, необоснованные притязания на царевну.

В организации сказки играют главенствующую роль бинарные оппозиции, центральной из которых является преломленная в ценностном плане магистральная мифологическая оппозиция свой/чужой. Можно предположить, что эта оппозиция сохраняет фундаментальное значение как в мифе, в эпосе и сказке, так и в личном нарративе. В мифе и архаической эпике это противопоставление отделяет человеческий мир от неизведанного неосвоенного мира, населенного иноплеменниками и бестиями, связанными с первозданным хтоном. В сказке эта оппозиция является центральной, потому что она моделирует соотношение героя с его врагами.

Фундаментальная оппозиция свой/чужой проецируется в сказке на различные плоскости, по-своему интерпретируется различными кодами. В мифическом коде свой/чужой осознается как человеческий/нечеловеческий, в чисто родовом – как родной/неродной. Фундаментальная оппозиция свой/чужой дополняется оппозициями высокого/низкого, доброго/злого, скромного/нескромного, царского/крестьянского, близкого/далекого и т.д.

Попробуем применить эти подходы и посмотрим, как организованы простые нарративы, и тем самым осуществим первый шаг к их интерпретации. Мы берем отрезок интервью, взятого нами во время исследования «Принципы моей жизни», проведенного среди бурят Прибайкалья.

Интервью было дано одновременно на русском и бурятском языках. Мы заметили, что переходы с русского на бурятский происходили в тот момент, когда требовалось более подробное объяснение, или человек не мог найти слов на русском для описания переживания, либо для маркировки доверительного отношения к интервьюеру. С бурятского на русский переходы реже, связаны с описанием социального контекста, или когда интервьюер задает сложно сформулированные вопросы. Так как вопросы интервью заданы на русском языке все рассказы начинались с нескольких фраз по-русски, потом переходили на бурятский.

Распространенная среди бурят билингвальность, которая поддерживает разделение культуры на сакральную и профанную, где бурятский язык является проводником в мир сакрального, а русский средством делового общения, карьеры является фактором погружения в две и более культуры через постижение языка с раннего детского возраста. Это дает возможность понимания и оценивания ядерной культуры с точки зрения вторичной, а вторичной с точки зрения ядерной, что создает динамичную систему культурного обмена внутри субъекта, в результате которого он получает более широкий спектр индивидуальных разрешений, способствующих дальнейшему выстраиванию жизненного пути.

Разбираемое ниже интервью соответствует жанру наставления с вкраплениями исторического предания. Это можно понять по вводному предложению, которое ориентирует на то, что ниже будет приведен общепризнанный пример ценностного поведения.

По Лабову мы выделяем: (Т) тезисы (краткое изложение существа дела), (ОС) ориентацию (время, место, ситуация, участники), (КД) комплекс действий (последовательность событий), (О) оценку (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), (Р) резолюцию (что случилось в конце концов)

и коду (возврат к настоящему времени).

«... вот во время войны рассказывали наши односельчане. ОС

Наша Гаханская ехэ тоодэй (одна из родовых женщин-старейшин) спасала наших ребят... Т приснилось одному шаману ОС

стоит прямая такая, а рука окровавлена у нее, аж мясо видать КД

говорит «большая бойня идет, я от наших ребят только успеваю пули отводить, выхватывать их на лету...» КД

после этого наши женщины всем сыновьям письма писали, КД

чтобы ей молились они О

и многие же вернулись наши... Р

один русский парень из Берлина, когда возвращались, ОС

позвал (имя) к себе домой по дороге. КД

Там рассказал матери: ОС

«вот говори спасибо ему, что живой вернулся, О я за ним всегда ходил, КД

знал, что от него пули отводят и от него не отставал, КД

из каких только переплетов не выбирались, благодаря ему... Хм... (Замолкает)» Р

Код данного сообщения: спасение, благодаря верности традиции и материнской молитве+необходимость культивирования традиционных верований

По Лабову особое внимание уделяется коммуникативной стороне нарратива. Выделение (ОС) ориентации слушателя, в отдельный компонент текста позволяет отслеживать связь рассказчика и слушателя. При такой рассортировке данных становится явленной ситуация диалога, в которой как минимум два субъекта – респондент и корреспондент, то взаимодействие, которое налагает отпечаток на формирование нарратива «здесь-и-теперь». Старик-шаман 76 лет передает поучительный, с его точки зрения, сюжет слушателям, находящимся на обряде «Саарһанай»¹. Атмосфера обыденности происходящего вокруг делает рассказ старика одной из тех историй коллективного опыта, на которых держится весь обрядовый комплекс современных бурят, продолжающих культивировать шаманизм. С нашей точки зрения, как только подобный рассказ начнет восприниматься как сказка, небывлица или, что характерно для посторонних случайных слушателей, экзотическая фольклорная зарисовка, сразу будет утрачен своеобразный коммуникативный эффект достигаемый подобного

¹ бурятский обряд, посвященный задабриванию духов и прошению помощи перед важным событием в карьере или учебе.

рода сюжетами, вплетенными в повседневную жизнь и именно поэтому играющих столь важную роль в культурном и социальном воспроизводстве шаманизма. Перед нами сюжет военных времен, передающийся из поколения в поколение, компактно и емко упакованный в форму легенды и всплывший как пример и наставление для младшего поколения в наиболее подходящий для этого момент.

Комплекс действий, осуществляемый в данном нарративе, связан с важнейшими историческими событиями Великой Отечественной войны, оставившими глубокий след в памяти народа. Относительно недавнее событие осмысливается в мифическом, вневременном контексте. С точки зрения модели Проппа в этом нарративе можно наблюдать архетипическое разделение пространства на свое, обжитое, домашнее и опасное, охваченное войной, в котором может случиться все, что угодно: ранение, смерть, плен, пропажа без вести. Является ли оно чужим? Вопрос интересный. Скорее оно является отчужденным, нечеловеческим, где перестали работать законы человеческого. Пространство войны противопоставлено тем, кто вынужден был оставаться дома и молиться за своих сыновей – матерям, духовная стойкость и вера которых аккумулируется в фигуре Великой Матери. Для защиты во время сурового похода по чужому пространству необходима поддержка «помощника», роль которого играет Ехэ Тоодэй, одна из родоначальниц данной местности, которая относится к Великим Старухам. Известно, что у монгольских народов отношение к старшим женщинам особенное – это хранительницы очага, блюстительницы традиции, покровительство которых может значить больше, чем любые другие. С их культом связаны ежегодные камлания, к которым готовятся с особенным тщанием, чтобы уважить матерей рода.

Шаман в этом случае играет роль дарителя, того, кто предлагает средство для спасения, показывает путь к спасению, который транслируется по женской линии и достигает своего адресата, которому жизненно важно опираться на силу клана во время прохождения испытаний огнем и железом.

В шаманистских верованиях распространен феномен вещего сна, в котором открывается истина, приходят ответы на вопросы как способ непосредственного общения с сакральным миром.

Архетип Матери Защищающей появляется во сне шамана в образе прямо стоящей женщины, не согнувшейся перед тяжелыми обстоятельствами, сохраняющей стойкость духа. В описании образа фигурирует окровавленная ладонь, которой она останавливает пули

перед сыновьями своего рода. Этот сон шамана был сразу, по словам рассказчика, принят к сведению как практическое руководство женщинам – молиться ей, и написать сыновьям письма, чтобы мысленно зывали к ней. Эпилогом рассказа является утверждение, что многие из данной местности, ушедшие на фронт, вернулись невредимыми. Возникновение данного нарратива показывает, каким образом работает система продуцирования и легитимации позитивных культурных мифов, направленных на выживание рода в ситуациях вызова. Здесь можно вычитать огромное количество смыслов, связанных с ролью женщины у бурят, или с ролью шамана как аккумулятора и транслятора культурного кода.

Продолжением истории, придающим ей эффект реальности является небольшой рассказ, который можно назвать вспомогательным нарративом. Героем этой части рассказа является парень, представитель рода, но на его месте может оказаться любой, кто попал в действительно сложную ситуацию (вспомним контекст, в который помещен данный рассказ). Поэтому его роль не артикулирована, его героическая функция лишь отражена в глазах представителя другой национальности, роль которого заключена в фиксировании значимости и действенности стратегии выживания героя. Здесь также проигрывается оппозиция свой/чужой. Однако здесь чужое предстает уже в дружественном, более того принимающим и благодарящим за благодеяние, окультуренном формате.

Рассказ о признании эффективности шаманской защиты (оценка) со стороны русского парня, который заметил необычную неуязвимость бурята и пользовался защитой великой матери вместе с другом. Это говорит о том, что в трансляции позитивного жизнеутверждающего смысла данного мифа нет ограничений по национальности. Благодарность, которую он проявляет паренюку буряту, вводя его в дом в качестве спасителя, подкрепляется символическим жестом восхваления друга перед своей матерью, что для бурята очень значимо.

Простота и завершенность данного нарратива, в котором доминирует культурная установка на передачу родовых стратегий по сохранению жизни и чистоты сознания говорит о том, что это скорее не конструирование личного опыта старика-рассказчика, а упакованный в форму легенды ценностный код, который так или иначе должен быть передан младшему поколению.

С помощью триад Пирса мы можем выйти на более прозрачный способ первичной классификации, которая впоследствии может быть дополнена элементами интерпретации с использованием других представлений

здесь моделей. В Таблице 1. представлен алгоритм сортировки высказывания на репрезентанту, объект и интерпретанту. При такой первичной обработке наглядно видна связь между формой и смысловым содержанием.

Таким образом, последовательное или одновременное использование этих моделей позволяет этнопсихологу выйти на уровень глубоких личностных и коллективных смыслов. Необходимо напомнить, что мы применили схематические модели, которые требуют доработки для конкретного исследования.

Нарративный подход в этнопсихологическом исследовании позволяет выйти на микроуровень индивидуального самосознания и сконцентрировать внимание на тех изменениях, которые происходят на уровне повседневных интеракций, которые пронизаны культурным смыслом. В современном мире главным фактором определения этнической принадлежности является самосознание индивида, субъективная реальность, которая фиксируется на уровне микрофизики взаимоотношений, облеченной в незатейливый нарративный формат. Таким образом, этнопсихология спускается с уровня больших массивов на микроуровень индивидуального опыта и находит в нарративах феномены, которые, оказывая могущественное влияние на жизнь людей, до сих пор оставались безмолвными.

Библиографический список

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии: [Эл. док.] <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/176216.html>
2. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский, Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
3. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М.: РГГУ, 2001. – С. 11-122.
4. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М.: РГГУ, 2001. – С. 122-162.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
6. Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing discourse: Text and talk / Ed. by D.Tannen Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219-247.
7. Глоссарий // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издатель-

Текст	Репрезентанта	Объект	Интерпретанта
1. вот во время войны рассказывали наши односельчане	Отсылка к войне	Начало рассказа, введение в сюжет	Пример, подтверждающий истинность бурятской веры
2. Наша Гаханская Ехэ Тоодэй (одна из родовых старейшин женского пола) спасала наших ребят	Упоминание о Великой Матери	Боги, присутствие их в непосредственной близости к людям и участие в их жизни	Близость сакрального мира, возможность спасения с помощью веры бурят
3. ... приснилось одному шаману	шаманский сон	Трансгрессия, переход	вещий сон, общение с сакральным
3. – стоит прямая такая, а рука окровавлена у нее, аж мясо видать,	Образ, в котором предстает Мать во сне: выпрямлена	Кровь, жертва, стойкость	Возможны аллюзии с архетипом Родины-Матери со вскинутой рукой с военных плакатов
4. говорит большая бойня идет, я от наших ребят только успеваю пули отводить, выхватывать их на лету...	Описание бойни	Защита, объяснение стратегии спасения	Вера в неслучайность спасения, мифический сюжет выхватывания стрел и пуль перед сердцем, распространенный в эпосах
5. после этого наши женщины всем сыновьям письма писали, чтобы ей молились они,	Письма матерей	Трансляция сообщения, переданного шаманом	Осуществление сакральных предписаний в конкретные действия
6. и многие же вернулись наши...	Возращение как подтверждение	Дальнейшая трансляция и фиксация результата	Оценка действенности стратегии
7. один русский парень после Берлина возвращались позвал (имя) к себе домой по дороге,	Признание другого как подтверждение	Дальнейшая трансляция и фиксация результата	Доверие не членов общины
8. там рассказал матери, вот говори спасибо ему, что живой вернулся,	Другая Мать	Диалог культур	Сохранение жизни через взаимодействие и обмен
9. я за ним всегда ходил, знал, что от него пули отводят и от него не отставал, из каких только переплетов не выбирались...	Отводят пули всегда	Резюме	Спасение через культивирование родового культа и сохранение веры бурят..
11. ...Хм...	Молчание	Дается время на размышление и переваривание сюжета слушающими	Окончание сюжета

Таблица 1.

ство Института социологии РАН, 1998. – 696 с.

8. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research. – 1(10). 2013. – С. 5-8

9. Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы // НЛО. 2010. №103.

10. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып. 3/4, 2001. С. 5-32

11. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.

12. Терехова Т.А. Эмпирическое исследование проявления инновационного потенциала личности в зависимости от исполнения социальной роли (Электронный журнал). 2013. №2.